

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1826—1827.

VI¹⁾.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

12-го октября. Болѣе 12-ти дней, какъ я велѣлъ выдать деньги генералу Мадатову для покупки 200 скотинъ; онъ меня увѣрялъ, что ихъ нельзя достать ближе какъ за 60 верстъ, и которые мнѣ не доставлены до сихъ поръ. Между тѣмъ какъ нечаяннымъ образомъ я послалъ ширванскаго пѣхотнаго полка съ маіоромъ Юдинымъ партію казаковъ, которая открыла, не болѣе какъ въ 15 верстахъ отъ лагеря, до 25 тысячъ овецъ и до двухъ тысячъ рогатаго скота; я тотчасъ послалъ купить столько, что могъ давать по фунту въ день мяса людямъ, убавивъ фунтъ хлѣба. Такимъ образомъ, въ продолженіи всего времени, я уже не нуждался въ скотинѣ, а посланный отъ князя Мадатова для покупки онаго возвратился назадъ, послѣ 15 дней, пригнавъ только сто штукъ скота и сказавши мнѣ, что болѣе не могъ найти. Хотя продовольствіе нѣсколько и поправилось, но все я не имѣлъ онаго въ мукѣ и на 4 дни. Я уговорилъ переводчика Корганова ѣхать въ дальнія деревни, дабы согласить армянскихъ жителей продать продовольствіе.

14-го октября. Коргановъ возвратился съ весьма хорошимъ извѣстіемъ, что онъ уговорилъ жителей раздѣлиться съ нуждающимися русскими войсками, и что закупилъ около 600 четвертей, также и нужное количество соли. Они съ удивленіемъ отвѣчали, что они не знали, что русскіе нуждаются, иначе бы они послѣднее отдали. Я получилъ также рапортъ отъ моихъ адъютантовъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, что они остановлены въ Тифлисѣ генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ.

15-го октября. Посланный къ аванпостамъ персидскимъ тата-

¹⁾ См. «Русскую Старину», т. V, стр. 706—726.

ринъ проѣхалъ мимо моихъ въ сторонѣ моего лагеря въ Шушу, гдѣ князь Мадатовъ тогда находился; о чемъ постороннимъ образомъ узнать, вытребовалъ его къ себѣ. Онъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ никакого порученія отъ Аббасъ-Мирзы, у котораго въ лагерѣ нѣсколько дней былъ, и хотя я страдалъ, что если онъ не скажетъ правду, а я послѣ узнаю, то сковавъ его пошлю въ Тифлисъ, но онъ остался въ запертостѣ, да на другой день, видно побоясь моихъ угрозъ, пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что Аббасъ-Мирза поручилъ ему словесно сказать, что онъ хотѣлъ бы размѣнъ плѣнныхъ сдѣлать. Я это писалъ къ генералу Ермолову, говоря что онъ вѣроятно это знаетъ, ибо князь Мадатовъ держалъ его болѣе 4-хъ дней въ Шушѣ, также жаловался на таковыя поступки его и на дурное управление.

21-го октября. Наконецъ, весь мой штабъ приѣхалъ; они увѣдомили меня, что хотя другіе чиновники и были посылаемы въ отрядъ генерала Ермолова, расположенный на Гассан-су, они же остановлены были въ Тифлисѣ подъ предлогомъ невѣрности дорогъ. Генералъ Ермоловъ также отвѣчалъ въ письмѣ, что пошлетъ мнѣ мой штабъ, но что прежде не могъ сего сдѣлать, потому что сообщенія были весьма затруднительны, хотя я въ продолженіе всего времени получалъ письма и пакеты.

26-го октября. Въ походѣ моемъ черезъ Араксъ и обратно ничего замѣчательнаго не случилось, исключая что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ.

2-го ноября. Я получалъ отъ генералъ-лейтенанта Вельяминова рапортъ, что по моимъ представленіямъ генералъ Ермоловъ приказалъ ему послать провіантъ и повозокъ, и что онъ отправляетъ 62 пароволовыхъ подводы и 248 четвертей на нихъ положенной муки—говоря, что болѣе не могъ собрать. Это ровно на три дня продовольствія на войска. Какая малость, это на смѣхъ сдѣлано, чтобы остановить совершенно мои предпріятія. Можно ли думать, чтобы нельзя болѣе достать повозокъ въ Грузію и то небольшихъ арбъ сей земли, которыя поднимаютъ до 8 четвертей въ четыре вола, а маленькія повозки, которыя совершенно никуда негодны, что я знаю по Молдавіи, и которые генералъ Ермоловъ возобновилъ здѣсь — я теперь узналъ, что болѣе 1000 арбъ весьма легко можно купить въ Грузію.

Я, боясь наскучить повтореніями объ одномъ и томъ же предметѣ, многое не помѣстилъ здѣсь. Словомъ, недоброе желаніе къ общему благу я встрѣчалъ на каждомъ шагу. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

VII.

Паскевичъ — Дивичу.

(буквально).

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Я получилъ письмо вашего высокопревосходительства отъ 25-го числа октября; будучи на походъ отъ Куры когда разпущены были войски: и также предположеніе на шестъ кампаній; и записки полковника Друвиля. Не отвѣчала ибо ехать въ Тифлисъ, гдѣ тотъ часъ банялся соображеніемъ всехъ бумагъ и свѣдѣній которыхъ я здѣлалъ въ продолженіи кампаній. Я не могъ прежде писать ибо письма и донесенія были отдаваемы въ Шуше и Тифлисе; гдѣ я весьма подозрѣвалъ чтобы не были въ скрыты: при томъ же я немогъ еще верныхъ свѣдѣній: получилъ при томъ же въ конце моего пребыванія въ Лагере, письма Аббасъ-Мирзы получилъ три дни тому назадъ. Я здесь все подозреваю после манеры съ которымъ со мною обходились. Я былъ окруженъ шпионами: нерасположеніе главнаго начасаъника разпространилось на его подчиненныхъ. По приездѣ моемъ въ Отрядъ, я увидѣлъ, что я окруженъ людьми преданными генералу Ермолову, и что онѣ не съ охотою будутъ мои приказанія исполнять; но я ихъ заставлялъ.

Болѣе всехъ Лживѣе и обманчивѣе ето генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ; я увѣренъ, что продовольствіе я могъ лутше имѣть если бы усилія употребилъ: но всегда мешалъ. При томъ же онѣ весьма дурной Управляющій: и въ распоряженіяхъ своихъ способностей не имѣетъ, а только храбрый Гусарь. Онѣ ненавидимъ въ Провинціи; онѣ вообще ему приписываютъ удаленіе Хановъ, самыми непростительными средствами. Прочтите Урдуханова покаянія: я со многими говорилъ онѣ подтверждаютъ. Я писалъ къ генералъ Ермолову, что онѣ неспособенъ, Ермоловъ отвѣчалъ, что никто не знаетъ такъ хорошо етого края какъ онѣ: и не только не хотѣлъ объ немъ объяснить: но разпустивши мой отрядъ его назначилъ командиромъ и къ войскамъ оставшимся прибавилъ другіе. Генераль-майоръ Вельминовъ его потдерживалъ онѣ всѣ другъ друга потдерживаютъ: и ничего нѣтъ труднѣе какъ узнать истинну. Въ продолженіи Компаніи я не могъ получить довольное число повозокъ, отчего дальше не пошелъ: въ прочемъ все ястно объяснилъ въ рапорте моемъ Государю Императору. Прошу Вашего Высокопревосходительства: не взять въ дурное, что есть нѣкоторые противурѣчія между моимъ поведеніемъ съ нѣкоторыми людьми, и что послѣ я про нихъ говорю, но ето отъ того, что я объ нихъ не зналъ и послѣ уже получилъ объ нихъ свѣденія. Я боюсь что урозъ нынѣшней компаніи о системѣ раздроб-

лений не остался и на будущего: по крайней мере я не вижу приказаній озборе войскъ по полкамъ или артиллерійскимъ ротамъ: но вместо того все по прежнему остается, и вместо того чтобы при разпущеніи моего отряда соединить елико возможно полкъ къ полку: онъ оставилъ съ трехъ полковъ по баталіонамъ, а на двѣ роты оныхъ полковъ и 1 бат. Херсонскаго отпустилъ на квартиры, также и съ артиллеріею здѣлалъ; вместо того чтобы оставить цѣлую батарею 12 орудій онъ оставилъ по два и по четыре орудія другихъ ротъ; когда же оны успѣютъ получить Амуніцію въ которой онъ до того нуждаются, что совершенно въ самомъ дурномъ положеніи находятся; вообразите компанія начнется; а имъ должно будетъ двигаться безъ сапогъ, рубашекъ и шинели, у многихъ четвертый годъ донашиваютъ. Я предписалъ начальникамъ имъ доставить: но какъ прежде не подумало, что это нужно будетъ.

По всѣмъ симъ причинамъ ваше высокопревосходительство видите, что мнѣ нельзя остаться съ генераломъ Ермоловымъ. Я и такъ здѣлался болѣе будучи безпрестанно имъ огорчаемъ. Но и для самой пользы службы мнѣ нельзя остаться: онъ будетъ мешать всемъ моимъ операціямъ, подвозу жизненныхъ припасовъ во время не будетъ, какъ то было нынѣшней Компаніи; отъ чего всѣ военныя дѣйствія могутъ остановиться. Уловки ухищренія меня приведутъ въ положеніе, что я не въ состояніи буду дѣйствовать; для пользы самой службы я не могу здѣсь остаться; заклиная вашего высокопревосходительства пользою службы Государя Императора меня отъ сюда вызвать. Какъ Ермоловъ можетъ терпѣть кого при себѣ которой ему мѣшаетъ; онъ дутчи всѣ нарушить. Государь Императоръ найдетъ другаго который угодитъ Генералу Ермолову: но я не могу; я думаю, что самое лучшее средство меня взять отъ сюда, ибо онъ совершенно объявилъ противу меня; и даже въ Самыхъ реляціяхъ хочетъ затмить мое имя; не упоминаетъ его; я имѣю дѣло съ самымъ злымъ и хитрымъ человѣкомъ. Не думайте чтобы я игралъ комедію: кто здѣсь останется будетъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ: нужда въ провіантѣ будетъ велика; оной уже въ здорожалъ въ двое: ячменю болѣе 10,000 четвертей нѣтъ во всей Грузіи. Это мѣсячная пропорція только для 8,000 лошадей, словомъ ничего не приготовлено; а лето должно ужасать всякаго кто въ этомъ краю будетъ. Мы теряемъ золотое время; и по отношеніи Аббасъ-Мирзе ко мнѣ; доказываетъ что онъ не хочетъ съ Ермоловымъ имѣть дѣла: это большой знакъ его желанія къ миру. Но это все потеряно нашимъ недѣйствіемъ.

Примите увереніе и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 11 дня, 1826 года.

Тифлисъ.

VIII.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь писать къ вашему высокопревосходительству съ адъютантомъ моимъ поручикомъ Оперманъ, о моемъ здѣсь положеніи; вчера я отправилъ черезъ почту довесеніе мое государю императору обо всемъ, что только до моего свѣдѣнія дошло о положеніи здѣшнихъ дѣлъ.

Изъ рапорта моего ваше высокопревосходительство усмотрѣть можете, какъ здѣсь дѣла идутъ; и что командованіе здѣсь такъ раздѣлено, что многіе указываютъ: но никто не отвѣчаетъ.

О себѣ имѣю честь сказать, что остаться мнѣ здѣсь, вмѣстѣ съ генераломъ Ермоловымъ, для самой службы вредно, ибо я увѣренъ, что всѣ средства будутъ употреблены для остановки во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Ваше высокопревосходительство сами знаете, что можно ли служить съ начальникомъ, который всякимъ случаемъ пользуется, чтобы сдѣлать неприятное подчиненному. Одно его удерживаетъ отъ прямыхъ неприятностей, это то, что я имѣю счастье репортовать государю императору. Съ истиннымъ и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 21 дня, 1826 года.

Тифлисъ.

IX.

Ермоловъ — Дибичу.

Милостивый государь баронъ Иванъ Ивановичъ. Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть вашему высокопревосходительству: радъ душевно, что вы ѣдете сюда и знаю сколько облегчены будутъ мои дѣйствія. Имѣю честь быть, и проч. Алексѣй Ермоловъ.

Февраля 19 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

X.

Паскевичъ — императору Николаю.

Всемилолюбивѣйшій Государь! Ваше императорское величество изъ приложенной при семъ записки изволите усмотрѣть дознанное мною въ первый день моего пребыванія въ Тифлисъ; чувствуя всю важность возложеннаго на меня препорученія я не ускорю рѣшительный шагъ безъ точнаго убѣжденія, не останавливая ходъ мѣрь, могущихъ служить приготовленіемъ къ будущимъ дѣйствіямъ.

Я надѣюсь, что возможно будетъ занять еще въ мартѣ мѣсяцѣ окружности Эривана достаточнымъ авангардомъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ и способнъ къ продовольствію; что въ первыхъ числахъ апрѣля могутъ начаться дѣйствія со стороны Карабаха и

движеніе главныхъ силъ на поддержаніе авангарда и для совершеннаго занятія ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго; а естли въ ономъ найдется нѣсколько способовъ, то полагаю возможнымъ еще до знойнаго времени овладѣть Марапомъ, гдѣ равно какъ въ Хоѣ находится много армянъ — а можетъ и Тавризомъ. Если показываемая генераломъ Ермоловымъ довѣренность имѣеть малѣйшее основаніе, то можетъ быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался до начатія кампаніи; въ такомъ случаѣ, на который не смѣю еще надѣяться, полезно будетъ, чтобы первый блистательный успѣхъ далъ бы ему съ званіемъ главнокомандующаго (не прибавлю великія преимущества положенія большой дѣйствующей арміи до точнаго исполненія всего предписаннаго), нѣкоторое поощреніе. Если-же онъ нынѣ старается только обманывать, то сіе вѣрно откроется весьма скоро передъ откровенностію моихъ поступковъ.

Армянскій архимандритъ Нарзесъ принялъ высочайшій рескриптъ съ глубочайшею благодарностію, рескриптъ будетъ читанъ въ церквахъ и публикованъ на армянскомъ языкѣ; онъ ручается за вѣрность и усердіе армянскаго народа, и надѣется при благовременномъ вторженіи въ Эриванское ханство найти у тамошнихъ армянъ еще довольно запасовъ, въ чемъ и я увѣренъ.

Посланцу персидскому, пріѣхавшему сюда съ письмомъ министра ихъ иностранныхъ дѣлъ, къ графу Нессельроду, и увѣряющаго насъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирія, полагалъ я неловкимъ отказать въ свиданіи, которое онъ просилъ. Онъ началъ говорить о истинномъ желаніи шаха заключить миръ — я ему отвѣчалъ въ увѣренности моей, что ваше величество всегда готовы согласиться на условія отвѣчающимъ наглому нарушенію мира обезпеченіемъ нашихъ границъ отъ побочныхъ дѣйствій съ должнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

Когда онъ старался оправдать ихъ дѣйствія поступками нашихъ пограничныхъ начальниковъ, по словамъ письма Аббасъ-Мирзы, при начатіи войны, то я увѣрялъ его, что конечно ваше величество не изволите даже принимать предположеніе о мирѣ, когда онъ не признаетъ совершенную вину Персіи въ наломъ нарушеніи онаго; что, впрочемъ, письменныя сношенія по сему предмету не должны остановить ходъ военныхъ дѣйствій, и что перемиріе заключать я не въ правѣ, развѣ дадутъ въ залогъ искренняго желанія къ миру, и въ основаніе онаго, крѣпости и пространство земли, которое почту нужнымъ потребовать. Онъ сказалъ, что на сіе не имѣеть уполномочія, а я ему повторилъ, что послѣ того не о чемъ и говорить. Сижъ кончилось и свиданіе наше, которое, впрочемъ, можетъ быть будетъ еще имѣть послѣд-

ствія, судя по безпрестаннымъ увѣреніямъ его въ миролюбивыхъ видахъ шаха и о согласіи посланца, что уполномоченные могли бы трактовать и о лучшемъ устройствѣ границъ, и о могущихъ быть претензіяхъ за убытки.

Замѣчанія мои отъ Ставрополя я сегодня не успѣлъ привести въ порядокъ для представленія ихъ вашему императорскому величеству, но могу сказать, что вообще состояніе кабардинскаго пѣхотнаго полка, владикавказскаго гарнизона и въ особенности линейныхъ казачьихъ полковъ весьма удовлетворительно, а духъ войскъ и усердіе ихъ отвѣчаютъ совершенно желанію вашего величества. Съ экстрапочтой, которая отправится въ четвергъ 24-го февраля, буду имѣть счастье представить продолженіе моихъ донесеній, ибо онѣ здѣсь въ совершенной независимости, а конвертъ вложу на имя князя Александра Николаевича Голицина. Простите государь ошибку, вкравшуюся въ послѣдней запискѣ моей: при Ставрополѣ, гдѣ я командующаго 22-й артиллерійской бригадою называлъ Ладжинскимъ, когда фамилія его Радожицкой. Съ вѣрноподданнѣйшею преданностью, и проч. Иванъ Паскевичъ.

Февраля 21 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XI¹⁾.

Дибичъ — императору Николаю.

Послѣ довольно труднаго перѣзда чрезъ кавказскія горы я пріѣхалъ сюда, въ Тифлисъ, вчерашняго числа въ два часа пополудни. Генералъ Ермоловъ, въ отвѣтъ на письмо мое изъ Владикавказа, прислалъ мнѣ при семъ письмо въ Апануръ; вскорѣ послѣ онаго прі-

¹⁾ Важность и интересъ настоящихъ документовъ какъ для исторіи Россіи въ царствованіе имп. Николая Павловича, такъ въ особенности для исторіи Кавказа и жизнеописанія трехъ видныхъ дѣятелей того времени (Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ) — несомнѣнны. Для полноты укажемъ, что донесенія Ермолова, за эти годы тревогъ и оскорбленій для него, помѣщены въ II части Приложеній къ его запискамъ, помѣщеннымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи 1867 г., кн. IV, стр. 250 — 358. Паскевичъ отправленъ къ Ермолову 11 авг. 1826 г. О пріѣздѣ его Ермоловъ доносилъ государю 4 сентября 1826 г.; Дибичъ явился въ Тифлисъ 22 февраля 1827 г. съ обширными полномочіями, посредникомъ между Ермоловымъ и Паскевичемъ, но явнымъ недоброжелателемъ перваго: съ 25 февраля начинается сообщеніе ему обширныхъ письменныхъ объясненій со стороны Ермолова относительно плановъ войны, заготовки запасовъ и проч. Они напечатаны въ «Чтеніяхъ» 1867 г., гдѣ помѣщены и письма императора Николая къ Ермолову съ 16 декабря 1825 г., по февраль 1827 г. Увольненіе Ермолова послѣдовало 29 марта 1827 г. — оно было объявлено Дибичемъ.

Ред.

ѣхалъ и адъютантъ его штабъ-ротмистръ Талзынъ, тотъ самый, который былъ въ Москвѣ, съ экипажемъ своего генерала. Я пріѣхалъ прямо къ нему на квартиру, находящуюся ближе моей у въѣзда, и былъ встрѣченъ имъ дружески съ увѣреніемъ въ совершенной своей откровенности и съ требованіемъ таковой же отъ меня. Онъ притомъ изъяснялся, что онъ не знаетъ, почему полагаютъ меня съ нимъ непріятелями, ибо мы нигдѣ не встрѣчались въ короткихъ сношеніяхъ и не могли имѣть къ тому причины; но что онъ увѣренъ въ моей справедливости и желалъ бы имѣть меня своимъ судьей даже и тогда, когда бы я не былъ начальникомъ главнаго штаба. Я со своей стороны увѣрилъ его, что и я столько же не постигаю, почему бы могли считать насъ непріятелями, и что руководствуясь всегда по службѣ одною лишь справедливою и откровенностию, я съ сими же правилами буду дѣйствовать въ дѣлѣ порученномъ мнѣ высочайшею волею. Послѣ сихъ первыхъ объясненій я объявилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ главныя причины, по коимъ ваше величество должны по прежнимъ дѣйствіямъ сомнѣваться, чтобы успѣхи могли быть столь быстры и рѣшительны, какъ сего требуетъ воля ваша и важность общихъ дѣлъ. На сіе генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ себя нынѣ виновнымъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Таврису; но не видя въ персидскихъ войскахъ весьма значительной потери ни въ людяхъ, ни въ артиллеріи, онъ не могъ полагать, чтобы ихъ разстройство было столь велико и ожидалъ, что Шахъ подкрѣпитъ на Аракѣ Аббасъ-Мирзу, и посему не считалъ выгоднымъ переправиться чрезъ Аракъ до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не усмиривъ прежде Ширвана, Цеки и Чарцовъ. На счетъ же пріуготовленія продовольствія, нашелъ онъ большія затрудненія въ совершенномъ разстройствѣ Карабаха и Ширвана, и что по сему и по недостатку подножнаго корма для кавалеріи въ зимнее время, не могъ рѣшиться на зимнюю кампанію, когда уже удостовѣрился въ совершенномъ разстройствѣ Персіи; но признается, что онъ ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ своихъ о состояніи персидской арміи; что онъ къ первымъ числамъ апрѣля надѣется имѣть на два мѣсяца провіанта и достаточные способы къ подвозу (о чемъ покажетъ мнѣ подробныя вѣдомости, какъ и вообще о всѣхъ своихъ пріуготовленіяхъ и распоряженіяхъ); что къ тому же времени подвинетъ передовыя войска къ границамъ, поддерживая ихъ главными силами; и что онъ ручается головою, что сходно повелѣніямъ вашего величества займетъ все пространство ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго до Аракса прежде знойнаго времени; регулярную же кавалерію, по невозможности имѣть въ здѣшнемъ краѣ овса и даже ячменя, пола-

гаеть держать болѣе въ резервѣ и придвинуть оную только въ маѣ мѣсяцѣ, когда уже наступитъ хорошее травяное продовольствіе. Я ему представилъ, что по позднему сбору войскъ непріятель не только соберетъ больше силъ, но, что всего важнѣе, разоритъ всѣ способы, находящіеся до сихъ поръ въ селеніяхъ армянскихъ и прочихъ Эриванскаго ханства; что посему я полагаю бы занять сардарство Эриванское хотя частію войскъ, съ открытіемъ травы которая вѣроятно покажется даже въ первыхъ числахъ марта (ибо здѣсь до сихъ поръ ни малѣйшей нѣтъ еще зелени при весьма жаркихъ дняхъ); и что я не предложилъ бы таковой мѣры частнаго дѣйствія противъ другаго непріятели, но что опыты всѣхъ кампаній противъ персіанъ и въ особенности послѣдней, должны насъ вести къ заключенію, что опасаться намъ должно не отъ ихъ оружія, но отъ голода. Генералъ Ермоловъ на сіе согласился, но просилъ меня обо всемъ рѣшительно условиться, когда мнѣ покажетъ всѣ средства, какія онъ имѣетъ и полагаетъ имѣть.

Говоря на счетъ сношеній съ генераломъ Паскевичемъ, генералъ Ермоловъ старался отклонить сей предметъ, но наконецъ говорилъ, что Паскевичъ кажется ему характера не довольно твердаго и подъ вліяніемъ другихъ, ибо не всегда ровно съ нимъ обходится; что онъ, какъ полагаетъ г. Ермоловъ, надѣялся послѣ него командовать; но онъ, г. Ермоловъ, привыкнувъ исполнять высочайшую волю, не могъ рѣшиться при пріѣздѣ г. Паскевича сказаться больнымъ, какъ бы можетъ быть сдѣлали на его мѣстѣ другіе; что послѣ генералъ Паскевичъ сталъ требовать отъ него всѣ бумаги и приказы, которые онъ отдаетъ, и отвергнувъ предложеніе его, чтобы сообщать оныя отъ дежурства Ермолова дежурному штабъ-офицеру Паскевича; и что онъ, Ермоловъ, не почелъ себя въ обязанности давать ему отчетъ въ бумагахъ по управительной части. Я ему на сіе сказалъ, что ваше величество зная г. Паскевича еще болѣе, нежели мнѣ онъ извѣстенъ, изволили препоручить мнѣ ручаться за него, что при деликатномъ обхожденіи онъ будетъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ повторяетъ, что радъ моему пріѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія долженствующія быть между ними съ учрежденіемъ новыхъ штабовъ, и увѣренъ, что устрою такъ, что будетъ безобидно для званія его.

Послѣ сего предварительнаго съ генераломъ Ермоловымъ (разговора), отправился я въ свою квартиру, гдѣ нашель караулъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка въ отличномъ порядкѣ; тутъ же были Иванъ Федоровичъ Паскевичъ и весь генералитетъ съ штабъ и оберъ-офицерами здѣшняго гарнизона. Послѣ первыхъ привѣтствій съ собранными

офицерами, въ войскъ я нашель, сколько по виду судить можно, лица довольныя и совершенное приличіе, отпустивъ ихъ и потомъ прочихъ собравшихся, остался наединѣ съ генераломъ Паскевичемъ. Объявилъ ему преврученное вашимъ величествомъ, что онъ принялъ съ извѣстными вамъ чувствами; онъ повторилъ мнѣ, при вопросѣ о полученіи послѣдняго моего письма, о невозможности ему служить съ генераломъ Ермоловымъ; что повтора при дружескихъ моихъ вопросахъ о дѣйствительности всѣхъ причинъ, сначала ими огорчился, но потомъ съ благородностію уважить мои резоны, оставаясь однакоже непоколебимымъ и утѣряя меня, что я точно чрезъ недѣлю раздѣлю непремѣнно его мнѣніе на счетъ фальшивости генерала Ермолова и неспособности, которую онъ показывалъ и показываетъ какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками и въ край здѣшнемъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й говорилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, однакожъ полагаетъ, что генераль Ермоловъ теперь можетъ дѣйствовать по предписанному плану, но что общее мнѣніе противъ его никакъ не позволяетъ оставить его начальникомъ здѣшняго края.

Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, неоправдывая бездѣйствія генерала Ермолова послѣ Елисаветпольскаго дѣла, утѣряетъ, что онъ убѣжденъ, что примиреніе между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ невозможно; но что въ семъ не причиною вражда первая противъ послѣдняго, но болѣе чрезвычайная чувствительность генерала Паскевича и хитрое дѣйствіе одного поручика изъ армянъ, служащаго у г. Паскевича переводчикомъ, по личной враждѣ сего армянина къ генераль-лейтенанту князю Мадатову. Я спрашивалъ у князя Долгорукаго (который отдаетъ полную справедливость достоинствамъ генерала Паскевича и, какъ мнѣ казалось, судить о вещахъ безпристрастно) о злоупотребленіяхъ здѣшняго края. Онъ полагаетъ ихъ существующими, но увеличенными; также спрашивалъ насчетъ неосторожныхъ разговоровъ генерала Ермолова, о коихъ бывали слухи. О семъ послѣднемъ онъ рѣшительно утѣряетъ, что не только таковыхъ никогда не слыхалъ, но напротивъ замѣтилъ, что генераль Ермоловъ старается рассказывать доходящіе здѣсь часто изъ Санктпетербурга выгодные слухи и анекдоты.

Флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридрихсъ находится еще въ Баку, но я надѣюсь, что онъ въ скоромъ времени воротится по окончаніи слѣдствія, въ которомъ онъ полковника Розена нашель совершенно невиннымъ.

Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ никакого сдѣлать заключенія; но соберу со всевозможною поспѣшностію и точностію

всѣ свѣдѣнія къ нимъ предметамъ, касающимся отъ лицъ, нѣсколько довѣріе заслуживающихъ по военной и гражданской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду работать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣриться какъ въ способахъ заготовленій всякаго рода, такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ, и надѣюсь чрезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе, нѣсколько рѣшительнѣе донести вашему императорскому величеству; когда же получу точное убѣжденіе съ какой бы то стороны ни было, неумедлю дѣйствовать по точной силѣ данной мнѣ инструкціи, съ тѣмъ прибавленіемъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, которое ваше величество изволили мнѣ предоставить по письму генерала графа Толстаго, полученному мною сего числа отъ 8-го февраля. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Февраля 21 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

ХІІ.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Не желая пропустить нынѣшнюю экстра-почту имѣю счастье представить вашему императорскому величеству при семъ замѣчанія мои по дорогѣ изъ Ставрополя сюда.

Здѣшнія обстоятельства для меня до сего времени не довольно ясны, чтобы сдѣлать рѣшительное заключеніе.

Нельзя не признаться, что генераль Ермоловъ сдѣлалъ въ предшнюю кампанію ошибки весьма значительныя, но до сего времени никакъ не могу еще увѣриться, чтобы онѣ были умышлены.

Онъ показываетъ желаніе дѣйствовать въ будущей кампаніи усердно по данному плану, но я столько же не смѣю еще удостовѣриться въ истинѣ сихъ увѣреній послѣ всего того, что мнѣ говорилъ генераль Паскевичъ.

Когда по подробнымъ вѣдомостямъ всѣхъ заготовленій всякаго рода и способовъ перевоза, кои генераль Ермоловъ мнѣ общаетъ завтра и по повѣркѣ оныхъ, могу удостовѣриться въ истинѣ или не въ истинѣ всего того, что онъ мнѣ объяснилъ на словахъ, тогда только могу я сдѣлать рѣшительное заключеніе о дѣйствіяхъ его по военной части; но труднѣе будетъ раскрыть всю истину по внутреннему устройству войскъ и еще болѣе по управленію здѣшняго края.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что строгое обхожденіе генерала Ермолова съ здѣшними грузинами и армянами, и въ особенности съ дворянствомъ, возстановило многихъ противъ его, тоже какъ и въ мусульманскихъ провинціяхъ прогнаніе хановъ и строгость противъ Бекковъ; но вопросъ: не имѣетъ ли сіе выгоднаго вліянія на состояніе

нижняго работающаго класса, весьма различно разрѣшается лицами здѣшними, смотря по тому къ какой они принадлежатъ партіи.

Удержаніе низеихъ цѣнъ на продукты для пользы казны равномѣрно возстановило противъ него голосъ помѣщиковъ и купцовъ, и иногда кажется были приняты мѣры слишкомъ своевольныя, но всегда въ пользу казны.

Прежня строгость его (о жестокостяхъ до сего времени не могъ еще получить ни одного доказаннаго примѣра) имѣла безъ сомнѣнія хорошее вліяніе на скорое покореніе взбунтовавшихся, и дѣйствуетъ и теперь съ пользою на умы безпokoйныхъ.

Гораздо непростительнѣе снисхожденіе генерала Ермолова противъ лицъ, управляющихъ разными гражданскими дѣлами, которое по многимъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ оказывается весьма неограниченно.

Равномѣрно заслуживаетъ строгое порицаніе послабленіе его по экономической части полковъ и по употребленію въ работу нижнихъ воинскихъ чиновъ, хотя нельзя сказать, чтобы примѣтно было малѣйшее дурное вліяніе на дисциплину и на духъ войскъ, которыя, по всему что я до сего времени видѣлъ, кажутся ни мало не упущенными (я тутъ не говорю о фронтной и гарнизонной службѣ, которыя конечно требуютъ прилежное занятіе).

Собравъ важнѣйшія изъ подобныхъ свѣдѣній съ нѣкоторыми дозвѣтствами, я объяснюсь объ ономъ съ генераломъ Ермоловымъ со всею откровенностію, руководствуясь моею инструкціею.

Необыкновенно сухое время даетъ здѣсь нѣкоторое опасеніе на счетъ будущей жатвы и въ особенности подножнаго корма; дай Богъ, чтобы послѣ перемѣны луны имѣлось бы нѣсколько дней теплаго дождя; до сего времени нѣтъ ни малѣйшей травки. Съ вѣрнополданической преданностію, и проч. Иванъ Дибичъ.

Февраля 23 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

ХІІІ.

Всемилоствѣйшій Государь. Ваше императорское величество изъ приложенной при семъ записки въ подробности изволите усмотрѣть мнѣ мое насчетъ положенія здѣшняго края и причины, по которымъ я остановился рѣшиться на перемѣну въ здѣшнемъ главномъ начальствѣ. Я считаю долгомъ повторить здѣсь, что медленность въ исполненіи здѣсь происходящая, по истинному моему убѣжденію, не отъ дурной воли, но отъ привычки къ особенному ходу дѣлъ, равно какъ нѣкоторое фальшивое понятіе о силѣ непріятеля, основанное на излишней осторожности при дѣйствіяхъ, не общаетъ мнѣ навѣрно

весьма дѣятельную и рѣшительную кампанію, равно какъ внутреннее убѣжденіе о способностяхъ генерала Ермолова, но что по тому же убѣжденію и по принятымъ и принимающимся мѣрамъ и имѣющимся средствамъ я навѣрно надѣюсь, что займетъ до жаркаго времени пространства до Аракса и съ начала осени овладѣетъ Таврисомъ. Генералъ же Ермоловъ мнѣ сказалъ, что за сіе ручается головою.

Уномянутая медленность и значительныя упущенія и послабленіе по гражданской части, о коихъ буду имѣть счастье донести вашему императорскому величеству, когда соберу и слычу всѣ свѣдѣнія и объяснюсь объ оныхъ съ генераломъ Ермоловымъ, были бы достаточными поводами принять рѣшеніе и пользоваться разговоромъ генерала Ермолова о положеніи своемъ, дабы объявить ему увольненіе; но меня удержало, сверхъ причинъ въ запискѣ представленныхъ, также собственное сомнѣніе въ выборѣ замѣняющаго.

Интриги и духъ партій въ здѣшнемъ краю между жителями, особенно армянскими, превышаетъ прежнее ожиданіе мое. Перемѣна въ начальникѣ откроетъ имъ полную надежду, ибо тѣ самыя причины, кои служатъ основаніемъ разныхъ злоупотребленій отъ властолюбія генерала Ермолова и неограниченное законнымъ ходомъ послабленіе противъ чиновниковъ русскихъ, удержали тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ здѣшнихъ въ повиновеніи и страхѣ.

Генералъ Паскевичъ съ характеромъ благороднымъ, но чрезвычайно чувствительнымъ, соединяетъ недовѣрчивость страстную съ большимъ довѣріемъ къ тѣмъ, кои представляются ему водимыми подобными собственнымъ его благородными чувствами. Съ симъ характеромъ, по мнѣнію моему, можетъ подвергаться дѣйствіямъ сихъ интригъ, кои завалятъ его доносами и дѣлами тѣмъ болѣе, что нынѣшнее положеніе обратило на него взоры всѣхъ справедливыхъ и несправедливыхъ неприятелей генерала Ермолова, и что онъ никогда не управлялъ гражданской частію. По военной части имѣетъ онъ качества отличныя, и хотя еще никогда не командовалъ отдѣльно большими силами, но я полагаю, что въ семъ отношеніи, особливо при одержанныхъ имъ въ семъ краю выгодахъ, онъ исполнитъ по желанію вашего величества, если только предубѣжденіе его противъ всѣхъ тѣхъ, кои служили ближе у генерала Ермолова, не можетъ имѣть вредное вліяніе и на военное управленіе.

Ваше императорское величество, зная гораздо ближе меня генерала Паскевича, лучше изволите рѣшить о справедливости опасеній моихъ, равно и о томъ, свойственна ли будетъ ему, какъ главному начальнику, та же предприимчивость, которая его отличала и отличаетъ подъ начальствомъ другихъ.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ нашель бы въ краѣ, ему совершенно неизвѣстномъ, по управленію гражданскому подобныя затрудненія, какъ и генераль Паскевичъ, и имѣлъ бы еще ту же невыгоду въ отношеніи военныхъ здѣшнихъ дѣйствій.

Впрочемъ я увѣренъ, что генераль Паскевичъ,—хотя ему назначеніе другаго начальника будетъ чувствительно, ибо онъ полагалъ себя, по прежде данному ему препорученію, заступающимъ мѣсто Ермолова, но будетъ служить съ усердіемъ подъ командою графа Витгенштейна; желательно только, чтобы сношенія генераловъ Паскевича и Киселева не могли бы вредить доброму согласію.

По всѣмъ симъ уваженіямъ, всемилостивѣйшій государь, не рѣшился я и не считалъ себя въ правѣ рѣшиться перемѣнить посредственное положеніе дѣлъ безъ вѣрной надежды лучшаго.

При семъ осмѣливаюсь доложить, что въ случаѣ, когда ваше императорское величество, по вашему благоусмотрѣнію всего вышеописаннаго, нашли бы нужнымъ назначить вмѣсто генерала Ермолова сюда генераль-фельдмаршала графа Витгенштейна, то, по мнѣнію моему, во избѣжаніе неудобствъ по гражданской части, назначеніе особеннаго главноуправляющаго Грузіею подъ главнымъ начальствомъ его могло бы быть весьма полезно, когда выборъ будетъ изъ сенаторовъ самыхъ твердыхъ и справедливыхъ.

Генералу Паскевичу можно бы въ такомъ случаѣ предложить остаться командиромъ корпуса; но я повторяю опасенія мои насчетъ сношеній съ генераломъ Киселевымъ.

Если напротивъ вашему величеству угодно будетъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, оставить здѣсь генерала Паскевича главнымъ начальникомъ, то подобное же отдѣльное назначеніе главноуправляющаго Грузіею подъ начальствомъ корпуснаго командира не могло быть соотвѣтственно важности перваго званія, и нужно будетъ тогда назначить сюда губернатора весьма отличнаго.

Предавая все сіе, основанное на истинномъ убѣжденіи моемъ, на высочайшее благоусмотрѣніе, имѣю счастье присовокупить, что сходно съ повелѣніемъ вашего императорскаго величества оставаясь здѣсь въ ожиданіи рѣшенія высочайшаго и до смотровъ войскъ, хотя частію при будущемъ ихъ сборѣ, не упущу устроить все въ возможно лучшему ходу дѣлъ сколько моихъ силъ станеть. Между тѣмъ въ продолженіи нѣкотораго времени надѣюсь донести вашему императорскому величеству, какой ходъ пріймутъ дѣла послѣ объясненій моихъ съ генераломъ Ермоловымъ, ибо если бы я замѣтилъ въ оныхъ противъ нынѣшняго убѣжденія моего дурное направленіе, то ни мало не оставовлюсь исполнить по высочайше мнѣ ввѣренному полномочію

съ принятіемъ въ такомъ случаѣ, до высочайшаго разрѣшенія, управленія дѣлъ, почему и осмѣливаюсь просить въ случаѣ, что ваше величество по сему письму изволите оставить здѣсь генерала Ермолова, не объявить еще сію монаршую волю до полученія втораго донесенія моего, въ которомъ надѣюсь представить также болѣе подробностей о состояніи гражданскихъ дѣлъ.

Позвольте, всемилостивѣйшій государь, подвергать всемилостивѣйшему снисхожденію затруднительное мое положеніе въ краѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ, по которому я не могъ исполнить высочайшее мнѣ вѣренное препорученіе такъ, какъ сего истинно желаю. Съ глубочайшею вѣрнопоподаннѣйшею преданностію имѣю счастье пребывать, вѣрнопоподанный Иванъ Дибичъ.

Февраля 28 дня 1727 года.

Тифлисъ.

XIV.

Дибичъ — императору Николаю.

Я уже въ прежнихъ донесеніяхъ моихъ докладывалъ вашему императорскому величеству о содержаніи объясненій моихъ съ генераломъ Ермоловымъ, о признаніи его въ ошибкахъ, имъ сдѣланныхъ, особливо въ мнѣніи его о силахъ непріятеля и о распространеніи бунта между горскими народами, равномѣрно о сказанномъ мнѣ генералъ-адъютантами Паскевичемъ и Бенкендорфомъ. Стараясь, во все время пребыванія моего здѣсь, доходить до истины, сколько возможно съ должнымъ наружнымъ уваженіемъ къ главному начальству, я до сего времени сохраняю убѣжденіе, что по военной части ошибки и значительныя упущенія генерала Ермолова происходили сначала отъ неточныхъ свѣдѣній о силѣ и свойствахъ непріятеля, а потомъ отъ излишней боязни распространенія бунта въ горскихъ народахъ; и что неустройства и беспорядки по хозяйственной части войскъ происходили частью отъ послабленія по сей важной части, увеличивающагося оттого, что инспекторскіе смотры были сдѣланы, по разсѣянному положенію полковъ, однимъ бригаднымъ командиромъ, и то конечно не съ должною строгостію; частію же сіи неустройства были послѣдствіемъ безпрестаннаго употребленія войскъ на работы для разныхъ строеній по частямъ и безъ должнаго надзора, выступленія части оныхъ прямо съ работъ, въ походъ противъ непріятеля. Сей же образъ занятія войскъ увеличилъ еще существующее, и то уже по фронтовой части, на которую, однако-жъ, съ прибытія генерала Паскевича, обращается примѣтнымъ образомъ болѣе вниманія. Упущенія же дисциплины я нигдѣ не замѣтилъ. Объяснивъ обо всемъ

ономъ генералу Ермолову со всею откровенностію, я не могъ замѣтить ни въ чемъ, съ его стороны, упорства или нежеланія выполнить въ точности волю вашего императорскаго величества. При объясненіи о томъ, что отказался внослѣдствіи сообщить всѣ свѣдѣнія генералу Паскевичу, онъ отвѣчалъ мнѣ, что слова рескрипта вашего величества, „что генераль Паскевичъ донесетъ вамъ“, что онъ ему сообщить, служили ему руководствомъ объяснить ему о всемъ случающемся, но не полагалъ, что въ семъ заключается приказаніе сообщать ему о всѣхъ предположеніяхъ своихъ, и требовать его совѣта. Онъ впрочемъ отдавалъ справедливость способности и добрымъ намѣреніямъ генерала Паскевича; но убѣжденъ, что сей генераль, получивъ подозрѣніе на поступки его, никогда не можетъ быть съ нимъ въ прежнемъ отношеніи.

Увѣривъ въ тщетности убѣжденій моихъ по сему предмету, осталось мнѣ еще разсмотрѣть мѣры, принятія для будущей кампаніи. Я потребовалъ, какъ главное основаніе оныхъ, подробный отчетъ о способахъ продовольствія и перевозки. Какъ въ Карабахской и Ширванской провинціяхъ хлѣбъ доставляется большею частью отъ жителей, то получилъ до сего времени достаточныя свѣдѣнія по одной Грузіи. Они показываютъ, что генераль Ермоловъ съ возвращенія въ Тифлисъ обратилъ на сей предметъ прилежное вниманіе, сколько обстоятельства и хлѣбородіе здѣшняго края сіе позволяютъ. Въ магазинахъ, въ Грузіи, находится и доставляется до 80 т. четвертей провіанта, изъ коихъ до 50 т. находится и доставится въ продолженіе марта и апрѣля въ три главные магазина праваго фланга: Шулавери, Лори и Тифлисъ: что составитъ 5-ти-мѣсячное продовольствіе войскъ, въ сей странѣ дѣйствующихъ; въ фуражѣ, напротивъ, есть чувствительный недостатокъ, ибо запасъ для праваго фланга не превышаетъ 16 т. четвертей ячменя, но способы здѣшняго края не могутъ снабжать достаточнымъ количествомъ, и необходимость принуждаетъ довольствоваться, большею частію, подножнымъ кормомъ. Я предложилъ употребить, по примѣру линейныхъ казачьихъ полковъ, вмѣсто ячменя просо, коего можно достать здѣсь еще отъ 8 до 10 т. четвертей. О семъ положено сдѣлать предварительную пробу. Впрочемъ, регулярная кавалерія теперь исправно продовольствуется, а до наступленія изобильнаго подножнаго корма полагается оставить таковую въ резервѣ, по невѣроятности встрѣчи значительныхъ непріятельскихъ силъ съ Аракса. Равношрно склонилъ я генерала Ермолова отмѣнить предположеніе, доставить большую часть ожидаемаго изъ Астрахани провіанта и овса на Шундруховскую пристань, откуда перевозъ по линіи и чрезъ кавказскія горы чрезвычайно за-

труднители и дорогъ, а положено бѣдшую часть онаго обратитъ въ Баку, какъ пунктъ, ближайшій къ лѣтнимъ нашимъ квартирамъ, между Шушею и Нахичеваномъ, и къ будущимъ дѣйствіямъ на Таврисъ. Равно дано приказаніе о всевозможномъ стараніи перемолоть пшеницу въ муку и перепечь муку въ сухари. О семъ послѣднемъ я объявлю высочайшую волю и въ Астрахань. Для перевозки продовольственныхъ потребностей заготовлено до 2,000 арбъ, изъ коихъ каждая поднимаетъ до 50 пудъ; воли къ онымъ будутъ куплены съ наступленіемъ подножнаго корма. Въ Карабахѣ устроится подвижной магазинъ изъ 400 верблюдовъ. Запасы артиллерійскіе весьма достаточны даже для дѣятельнѣйшей кампаніи. Комиссаріатскія вещи доставляются изъ Ставрополя; но объ оныхъ ожидаю еще отъ генералъ-лейтенанта Эммануэля подробнѣйшаго донесенія.

Соображая все сіе съ даннымъ мнѣ отъ вашего императорскаго величества наставленіемъ, я обратился къ генералу Ермолову вторично со всѣми замѣчаніями, какъ по прежнему, такъ и по нынѣшнему состоянію дѣлъ. Онъ принялъ, сколько я примѣтить могъ, съ полною готовностію исполнить высочайшую волю; почему мы положили общее предначертаніе дѣйствій военной кампаніи, которое генералъ Ермоловъ, съ симъ же фельдъегеремъ, представляетъ вашему императорскому величеству. Если по оному довольно позднее начатіе кампаніи (по причинѣ не показывающагося до сего времени подножнаго корму), не позволитъ идти до Тавриса, то генералъ Ермоловъ предполагаетъ начать осеннюю кампанію съ сентября, наступленіемъ всѣми силами отъ Нахичевана прямо на Таврисъ, и надѣюсь, что взятіе сего города покоритъ намъ весь Аджарбежанъ, и тѣмъ принудятъ персіяне къ миру.

При разговорахъ о всѣхъ сихъ предположеніяхъ, и при наставленіи, чтобы генералъ Ермоловъ объяснилъ со всею откровенностію, увѣренъ-ли онъ, что точно оныя исполнитъ, я ему, между прочимъ, говорилъ о дошедшихъ до меня слухахъ, что онъ, жалуюсь на затруднительное свое положеніе, говорилъ, что чувствуетъ себя менѣе противъ прежняго способнымъ; при чемъ я присовокупилъ, что дѣло сіе слишкомъ важно, что онъ и я, отвѣчаемъ вашему величеству, если приметъ онъ дѣло, коего не чувствуетъ себя въ состояніи выполнить съ тою благородною увѣренностію въ себя, которая единственно можетъ служить основаніемъ военныхъ успѣховъ. Онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что чувствуетъ себя еще при прежнихъ своихъ силахъ и способности, но признается, что мыслитъ, что онъ лишился высочайшей довѣренности—приводитъ его иногда въ нерѣшимость, и что чувствуетъ, что присутствіе генерала Паскевича, унижая его въ

глазахъ подчиненныхъ, ослабляетъ духъ и способности его. Я ему на сіе сказалъ, что удивляюсь, почему онъ, если полагалъ себя подвергнутымъ высочайшей недовѣрчивости, не адресовался къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, съ вѣрноподданническою довѣренностію. Касательно же генерала Паскевича, я повторилъ ему убѣжденіе мое, что существующее несогласіе никогда бы не могло имѣть мѣста, если бы онъ былъ противъ него откровеннымъ. Генераль Ермоловъ отвѣчалъ, что положеніе съ самаго начала было такое, что подчиненные должны были видѣть генерала Паскевича наставникомъ его, и что при нынѣшнемъ положеніи онъ увѣренъ, что совмѣстное служеніе ихъ можетъ быть только вредно, коль скоро выѣду я изъ Грузіи; что онъ повинуется высочайшей волѣ, будетъ служить съ генераломъ Паскевичемъ и даже подъ начальствомъ его, когда указано будетъ, но считаетъ долгомъ объяснить, что сіе отнимаетъ у него духъ и способности; что онъ предвидитъ самыя вредныя послѣдствія, когда я отлучусь отсюда, и что онъ не смѣетъ просить увольненія во время войны, но полагаетъ, таковое полезнѣйшимъ, и подвергался оному съ вѣрноподданническою покорностію, надѣется дозавать истинныя чувства свои и въ покорной гражданской жизни, о чемъ и просилъ меня довести до высочайшаго свѣдѣнія.

По сему объясненію я не полагалъ себя вправѣ принять окончательное рѣшеніе по слѣдующимъ причинамъ:

1) По смыслу данной мнѣ инструкціи, отрѣшеніе генерала Ермолова должно было послѣдовать отъ меня по совершенномъ увѣреніи въ неспособности или въ дурной волѣ его, и хотя я съ откровенностію доношу вашему императорскому величеству, что я не увѣренъ, чтобы генераль Ермоловъ обѣщалъ блистательный успѣхъ, но полагаю, что выполнить предначертанный планъ; и сколь ни значительны опибки его по военной части, и вѣроятно большія упущенія по гражданской, но не менѣе того, имя его страшно для горскихъ народовъ, что въ нынѣшнее время, мнѣ кажется, столько же уважительно, какъ и 10-ти-лѣтнее сношеніе съ разными особами въ Персіи.

2) Генераль Ермоловъ, по настоящему моему вопросу, не чувствуетъ ли онъ и безъ того, можетъ быть, нѣкоторое уменьшеніе силъ въ исполненіи своихъ обязанностей, повторилъ мнѣ, что онъ единственно пораженъ мыслию недовѣрчивости къ нему вашего величества, и увѣренъ, что присутствіе генерала Паскевича вредно для службы. Сіе родило во мнѣ опасеніе, чтобы удаленіе генерала Ермолова не могло быть выставлено въ видѣ, противномъ правиламъ службы, ибо секретная инструкція моя остается не всегда секретною, когда, напротивъ того, причина, по которой генераль Ермоловъ про-

силь удаленія, сдѣлалась бы со временемъ извѣстна. Посему рѣшился я связать генералу Ермолову, что повторяю удивленіе мое, что онъ подобныя убѣжденія свои не представляетъ вашему императорскому величеству, когда вы изволили удостоивать его неоднократно своими рескриптами, что, впрочемъ, я донесу обо всемъ вашему величеству; что вмѣстѣ съ нимъ буду заниматься всѣми приготовлениями, надѣясь на совершенную откровенность нашихъ сношеній; и что я долженъ требовать, чтобы онъ непременно сообщалъ генералу Паскевичу, какъ назначенному вашимъ величествомъ подъ нимъ командовать корпусомъ, по первоначальному, нынѣ прерванному порядку, о всякомъ распоряженіи, о которомъ для скорѣйшаго исполненія нужно дать прямое приказаніе. Генераль Ермоловъ сазалъ, что сіе въ точности исполнить; повторялъ, что не опасается никакого неприличія, пока я здѣсь, и объявилъ мнѣ, что напишетъ письмо вашему величеству съ объясненіемъ своихъ чувствъ, не касаясь однако генерала Паскевича.

Что касается до сего генерала, то я долженъ отдать совершенную справедливость насчетъ откровенности и сираведливости его видовъ; и хотя не могу раздѣлить мнѣніе его о причинахъ дѣйствій генерала Ермолова, кои онъ полагаетъ злозредными и упрямыми, но весьма понимаю, что въ положеніи генерала Паскевича оныя могли ему представиться въ такомъ видѣ. Генераль Паскевичъ неоднократно мнѣ повторялъ и просилъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что онъ никакъ не можетъ служить вмѣстѣ съ генераломъ Ермоловымъ и просить рѣшительно удалить его, когда я отѣду, и сей генераль останется командующимъ.

Представляя обо всемъ ономъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоразрѣшеніе, повторяю, что въ ожиданіи онаго я буду наблюдать за всѣми главными распоряженіями, до будущей кампаніи касающимися, и между тѣмъ буду также стараться болѣе и болѣе узнать положеніе здѣшняго края, о которомъ, къ сожалѣнію, всякой день получаю весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Въ Тифлисѣ.

Февраля 28-го дня 1827 года.

XV.

Паскевичъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству генераль-адъютанта Паскевича рапортъ. Имѣю счастье всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству поданные мною генераль-адъютанту Дибичу

записки о двухъ вопросахъ, сдѣланныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ, черезъ меня, генералу-отъ-инфантеріи Ермолову, его отвѣтъ, и то, что я впоследствии открылъ. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Февраля 28 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

О 42-мъ егерскомъ полку, полковникъ Реуттъ, и отчего Шуша не снабжена припасами?

(Объясненіи Ермолова). 42-й егерскій полкъ расположенъ былъ на границѣ въ Карабагѣ, три роты влѣво, въ горахъ, для прикрытія въ горахъ кочевыхъ народовъ; ему предписано было отходить по узнаніи силъ, которыя противъ его идутъ: полковникъ Реуттъ, вмѣсто того, чтобы собрать весь полкъ вмѣстѣ, не далъ приказанія; отчего три роты были окружены не только взбунтовавшимися карабахскими татарами, но подстреканію ихъ хана, пріѣхавшаго изъ Персіи, но съ нимъ пришло и нѣсколько персидской конницы; баталіонный же командиръ, которому было приказано присоединиться къ полку, обманутый ложными извѣстіями о малочисленности непріятеля, пошелъ впередъ атаковать и опрокинулъ ихъ, чѣмъ потерялъ два дня; потомъ непріятель получилъ подкрѣпленіе, они дрались съ немовѣрною храбростію, отбили первыя атаки; но наконецъ персіане получили еще нѣсколько въ подкрѣпленіе: были окружены и сдались, будучи сутки безъ воды, потому что баталіонный командиръ не рѣшился бросить два орудія. Есть слухи, что бывшая съ нимъ татарская конница во время дѣйствія ему измѣнила и обратилась на насъ. Подполковникъ Назимовъ командовалъ сими ротами.

(Замѣчанія Паскевича). 1) 42-й егерскій полкъ, долженствующій быть непременно расположеннымъ въ самой крѣпости Шушѣ, находился Карабахской провинціи, въ Чинахчи. Причиною сему имѣніе генераль-лейтенанта князя Мадатова, ибо стоявшіе тамъ солдаты строили ему домъ, и посему въ семь мѣстѣ поставлены.

2) Полковнику Реутту не дано было настоящихъ приказаній отходить; но сказано было такимъ образомъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна была пасть на Реутта.

3) Баталіонному командиру присоединиться къ полку не отдано было сначала рѣшительнаго приказанія, но когда подполковникъ Назимовъ получилъ приказаніе отступать, то ему бросить орудія не сказано было, хотя и знали, что по той дорогѣ нельзя провезти артиллеріи; штабъ-офицеръ, не смѣя оставить тѣ орудія, былъ чрезъ то въ горахъ отрѣзанъ.

Отчего крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ?

(Объясненія Ермолова). Крѣпость Шуша никогда не входила въ операционный планъ, она всегда была оставлена, ее не считали постомъ, въ которомъ держаться должно. 42-й егерскій полкъ поставленъ былъ болѣе для содержанія въ повиновеніи тотъ край, и для своего продовольствія. Если бы и входило въ расчетъ сію крѣпость держать, то и тогда бы трудно ее снабжать запаснымъ провіантомъ, ибо въ семь крау зерно болѣе года не держится.

Подковникъ Реуттъ, по общему соображенію генерала Ермолова, долженъ былъ отступить, но никакъ не входитъ въ сію крѣпость; онъ потерялъ нѣсколько дней, узнавая о числѣ непріятеля. Сіе обстоятельство заставляетъ генерала Ермолова, вопреки его желанія, дѣлать въ нынѣшнее время экспедицію, дабы дать помощь оной крѣпости.

(Замѣчанія Паскевича). 1) Крѣпость Шуша всегда составляла важный пунктъ для военныхъ операцій, и если взять съ самыхъ временъ отдаленныхъ, то она служила оплотомъ Карабага, и нѣсколько разъ персидскіе шахи сею крѣпостію остановлены были, во время браней ихъ съ ханомъ; она также соединяла бы много удобствъ если бы только сдѣланы были три дороги: къ Елисаветополю, къ Араксу и къ Герусамъ, и когда бы возстановили развалившіяся стѣны, то крѣпость сія была бы одна изъ непреодолимыхъ пунктовъ. 10-ть лѣтъ мира достаточно для сего было, но генераль Ермоловъ теперь только посылалъ начальника корпуснаго штаба для снятія плана сей крѣпости.

2) Хлѣбъ въ зернѣ весьма бы легко было сохранить: ибо въ ямахъ лежитъ оный два года, а въ магазинахъ 10-ть лѣтъ.

3) Полковникъ Реуттъ, вступленіемъ въ Шушинскую крѣпость, хорошо сдѣлалъ, но если бы рѣшился отступать, какъ ему отъ генерала Ермолова наконецъ предписано было, то пострадалъ бы совершенно. Генераль Ермоловъ не зналъ числа войскъ непріятельскихъ, хотя и было наше посольство въ Персіи; известно также, что тамъ легко имѣть можно шпіоновъ, но генераль Ермоловъ, имѣя ихъ на каждомъ шагу въ городѣ Тифлисѣ, не заблагоразсудилъ имѣть въ Таврисѣ и Тегеранѣ. Какое дурное послѣдствіе было бы, если-бъ непріятель занялъ Шушу.

4) Настоящей причины, отчего полковникъ Реуттъ не нашелъ магазиновъ, генераль Ермоловъ не хотѣлъ объяснить государю императору по слѣдующимъ обстоятельствамъ: генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ, взявшійся продовольствовать полкъ въ 1825 году, доставляя провіантъ въ полковую штабъ-квартиру, въ Чинахчи, и полу-

чившій впередъ деньги, не выставилъ оный и въ 1826 году, отчего полковникъ Реуттъ принужденъ былъ для продовольствія полка перевезти пушинскій магазинъ въ Чинахчи. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

Какимъ образомъ сдѣлся каспійскій баталіонъ въ Ленкоранѣ, и какъ вѣрнѣе вомажду пограничной крѣпости ненадежному офицеру, майору Ильинскому? и государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ отдать его подъ судъ.

(Объясненія Ермолова). О каспійскомъ баталіонѣ вѣрнаго извѣстія нѣтъ: оный, какъ думаетъ генералъ Ермоловъ, перевезенъ на островъ Сарру, находящійся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Ленкорана, а оттуда въ Баку; военные суда всегда у острова Сарру находятся; изъ Астрахани есть извѣстія, что оный постъ увеличенъ судами.

Крѣпости въ Ленкоранѣ не существовало, а ретраншементъ былъ разрушенъ наводненіемъ, такъ что не только укрѣпленія снесены, но и самыя солдатскіе дома. По представленію генерала Ермолова солдаты были вознаграждены, за потерю ихъ вещей, покойнымъ государемъ императоромъ.

Проходъ къ Ленкорану со стороны Персіи невозможенъ; майоръ Ильинскій потерялъ нѣсколько постовъ, будучи атакованъ тамошними возмущившимися жителями, которыхъ ханъ талышинскій взбунтовалъ. Майоръ Ильинскій ошибся въ томъ, что ему бы собрать вмѣстѣ баталіонъ и держаться до приходу судовъ, ибо въ ретраншементѣ онъ не могъ долго быть.

Майоръ Ильинскій казался весьма хорошии офицеръ. Онъ служилъ въ гвардіи и съ большимъ состояніемъ пріѣхалъ сюда, чтобы здѣсь служить.

(Замѣчанія Паскевича). Грузинскаго гренадерскаго полка майоръ Ильинскій назначенъ былъ телавскимъ окружнымъ начальникомъ, гдѣ онъ дѣлалъ разныя поборы; наконецъ поступила жалоба отъ жителей Велисскихъ, что они черезъ переводчика Энаколопова отдали ему, Ильинскому, за спорную землю въ лихву 1,000 рублей серебромъ, въ чемъ онъ при генералѣ-отъ-инфантеріи Ермоловѣ изобличенъ самимъ тѣмъ переводчикомъ; деньги сіи, по приказанію генерала Ермолова, возвращены жителямъ, и онъ, Ильинскій, смѣненъ, а чрезъ нѣкоторое время ввѣренъ ему каспійскій морской баталіонъ, и сдѣланъ начальникомъ талышинскаго ханства, гдѣ онъ, подобными поступками, довелъ хана талышинскаго до того, что тотъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, бѣжалъ въ Персію и потомъ первый началъ возмущеніе. Отецъ его, Мустафа и самъ онъ, въ 1812 году, укрѣпясь отъ персіанъ

въ горахъ, ѣли лошадей и верблюдовъ, но не сдались персіянамъ; потому были они выручены генераломъ Котляревскимъ. Сіе служитъ доказательствомъ тогдашней ихъ приверженности.

Майоръ Ильинскій, хотя государь императоръ высочайше повелѣлъ отдать его подъ судъ и о таковой его императорскаго величества волѣ объявлено мною генералу Ермолову, и по сіе время не отданъ. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

XVI.

Ермоловъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Ермолова рапортъ. По соображеніи мѣстныхъ способовъ и обстоятельствъ, вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба вашего императорскаго величества господиномъ генераль-адъютантомъ барономъ Дибичемъ, составленное общее предположеніе дѣйствій имѣю счастье всеподданнѣйше представить на высочайшее вашего императорскаго величества усмотрѣніе.

При первой возможности прохода горъ, отдѣляющихъ Эриванское ханство отъ Грузіи, полагаю, 5-го числа апрѣля, занять передовымъ отрядомъ войскъ армянской Эчмадзинской монастырь и начать устройство онаго, какъ главнаго этапнаго пункта до взятія Эривана. Отрядъ сей будетъ состоять изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти орудій артиллеріи и части казаковъ.

По возможности имѣть подножный кормъ; полагаю, что между 10-мъ и 15-мъ чиселъ апрѣля войска главнаго корпуса соберутся въ Шурагели. Отрядъ лѣваго фланга въ Карабагъ соберется въ Ахуглану въ первыхъ числахъ апрѣля.

2-ая уланская дивизія и нижегородскій драгунскій полкъ остаются въ нынѣшнемъ ихъ расположеніи и соберутся, когда будетъ достаточный подножный кормъ.

О нѣкоторыхъ переměнахъ въ казначействѣ, послѣдовавшихъ по утвержденію г-на начальника главнаго штаба вашего императорскаго величества, буду имѣть счастье всеподданнѣйше довести.

Продовольствіе для главнаго отряда будетъ доставляться изъ лорійскаго магазина на подводахъ и вьючныхъ быкахъ, въ Грузіи собираемыхъ, и въ 1 число апрѣля составитъ $\frac{1}{4}$ подвижнаго казеннаго транспорта.

Отрядъ лѣваго фланга, собравшійся у Ахуглана, избираетъ удобнѣйшую, чрезъ Араксъ, переизраву на пространствѣ между Худаперия-

скимъ мостомъ и Асландуземъ; по усмотрѣнію начальствующаго онымъ, переходить весь или посылаетъ авангардъ по направленію къ Агару, дабы узнать, сколько возможно, о силѣ и намѣреніяхъ персіанъ и о способахъ продовольствія того края. Войска должны отдаляться отъ Аракса на такое разстояніе, чтобы обратная ихъ переправа не была подвержена опасности и продовольствіе было вѣрно. Однѣ обстоятельства особенно выгодныя и непредвидѣнныя, какъ-то внутреннія безпокойства, явное неповиновеніе и благонадежныя представленія начальствующихъ провинціями, могутъ рѣшить дальнѣйшее наступленіе на Агаръ и до Тавряза. Продовольствіе отряда будетъ производиться изъ шупинскаго и ахугланскаго магазиновъ посредствомъ небольшого подержнаго магазина. Всѣ способы отъ земли за Араксомъ, кои можно достать безъ разоренія жителей, реквизиціею или покупкою, будутъ собираемы въ укрѣпленіе, устроенное при переправѣ на лѣвомъ берегу Аракса.

Если непріятель между Тавризомъ и Араксомъ будетъ имѣть значительныя силы, тогда отрядъ лѣваго фланга устроитъ только мостовое укрѣпленіе на Араксѣ и посылаетъ за рѣку одни легкіе отряды, дабы безпокоить непріятели и отвлечь вниманіе его отъ стороны Нахичевана.

Если бы часть непріятельскихъ войскъ хотѣла перейти Араксъ, тогда атаковать и разбить ихъ. Если же бы, противъ всякой вѣроятности, главныя непріятельскія силы переправились чрезъ Араксъ, то отрядъ лѣваго фланга, подкрѣпленный 1-й бригадой 2-й уланской дивизіи, довольно усилится, чтобы удержаться между Шупею и Елисаветполемъ до рѣшительнаго дѣйствія главныхъ силъ въ тылъ непріятели.

Главныя силы, при первой возможности подножнаго корма, переходятъ границу въ двухъ колоннахъ по Талынской дорогѣ и черезъ Башабаранъ, и при благополучной дорогѣ могутъ быть подъ Эриваномъ около 5-го мая. При сей крѣпости, въ командѣ генераль-лейтенанта Красовскаго, останется 8-мъ баталіоновъ 20-й пѣхотной дивизіи, піонеры, 20-й артиллерійской бригады рота батарейная № 1-го, и всѣ единороги прочихъ батарейныхъ ротъ и нужное число казаковъ. Небольшой изъ сихъ же войскъ отрядъ останется въ Талыни для прикрытія транспортовъ хлѣба и обезпеченія подвоза онаго изъ Карса, гдѣ можно надѣяться произвести покупку.

Главныя силы, не останавливаясь, продолжаютъ быстро маршъ къ Нахичевану, куда могутъ прибыть въ концѣ мая, и если что не воспрепятствуетъ, не болѣе какъ въ 30-ть дней отъ перехода чрезъ границу. 2-я бригада 2-й уланской дивизіи, нижегородскій драгунскій

полкъ и конно-артиллерійская рота № 13-й слѣдуютъ сему движению, когда достаточно будетъ травяного продовольствія. 1-я же бригада 2-й уланской дивизіи слѣдуетъ чрезъ Карабагъ къ Нахичевану, единственно въ томъ случаѣ, когда предпринято будетъ движеніе на Тавризь.

Если непріятель находится будетъ прямо противъ отряда лѣваго фланга не въ томъ положеніи, чтобы можно было ожидать наступленія главныхъ силъ его на Карабагъ, то оставляя для прикрытія онаго 42-й егерской полкъ, часть казаковъ и всю иррегулярную конницу, прочія войска, состоящія изъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, 41-го егерскаго полка, 8-ми орудій и полка казаковъ, идутъ чрезъ Герюсы и Карабагу къ Нахичевану, разсчитывая прибытіе туда въ одно время съ авангардомъ главныхъ силъ, но отнюдь не прежде. По соединеніи въ Нахичеванѣ, тотчасъ приступлено будетъ къ изысканію и собранію всѣхъ способовъ для устроенія переправы чрезъ Араксъ.

Главныя силы, дошедши до Нахичевана, смотря по удобности времени, буде зной еще не слишкомъ великъ, подножный кормъ достаточно и продовольствіе можетъ быть исправнымъ, идутъ на Тавризь, которымъ овладѣвъ и расположа въ немъ сильный гарнизонъ, прочія войска располагаютъ въ мѣстахъ, менѣе подверженныхъ зною и для продовольствія удобнѣйшихъ.

Но если, напротивъ, знойное время, точное извѣстіе о недостаткѣ подножнаго корма и продовольствія могли бы движеніе на Тавризь сдѣлать неудобнымъ, то главныя силы, учредивъ тотчасъ укрѣпленные посты на Араксѣ и занявъ достаточно Нахичеванъ, расположатся въ горахъ между Нахичеваномъ и Шушею, а отрядъ лѣваго фланга, или въ Агарѣ, буде оный до того занятъ будетъ, или же на лѣвомъ флангѣ главныхъ силъ на лѣвомъ же берегу Аракса, смотря по обстоятельствамъ. Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

28 февраля 1827 года.

Тифлисъ.

XVII.

Ермоловъ—Потопову.

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисѣ, 3-го марта 1827 г. № 1,579. Дежурному генералу главнаго штаба его императорскаго величества господину генераль-адъютанту и кавалеру Потопову. Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству всеподданнѣйшее мое письмо на имя государя императора; покорнѣйше прошу представить оное его императорскому величеству, по полученіи почтито меня увѣдомленіемъ. Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

XVIII.

Ермоловъ—императору Николаю.

Ваше императорское величество. Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность вашего императорскаго величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены чловѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается той мыслию, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь!

Въ семь положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однако же просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совѣмъ не почитаю непреодолимыми; но устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлію моихъ дѣйствій. Вашего императорскаго величества вѣрноподданный генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

3 марта 1827 года.

Тифлисъ.

XIX.

Дивичъ—императору Николаю.

Всемилоствѣйшій государь. Изъ приложенной при семь записки ваше императорское величество изволите усмотрѣть послѣднія объясненія мои съ генераломъ Ермоловымъ; онѣ не могутъ служить ни къ какой перемѣнѣ мнѣнія моего, представленнаго вашему величеству 28-го февраля чрезъ фельдъегеря Иностранцева.

Я въ самомъ непродолжительномъ времени надѣюсь представить вашему императорскому величеству, чрезъ нарочнаго, соображенія мои о предположеніи для дѣйствій послѣ овладѣнія края до Аракса и также на тотъ случай, если послѣ взятія Тавриса персіяне не согласились бы на предполагаемыя вашимъ величествомъ условія. Я сіе соображеніе буду имѣть счастье представить съ мнѣніемъ генерала Ермолова по тому же предмету. Съ тѣмъ же нарочнымъ надѣюсь пред-

ставить вашему императорскому величеству хотя частію отвѣты генерала Ермолова на отданныя ему сегодня записки.

Прибытіе флигель-адъютанта Адлерберга даетъ мнѣ, наконецъ, по военной части помощника вѣрнаго и совершенно безпристрастнаго, въ чемъ до сего времени имѣлъ я истинную надобность. Съ истинною и проч. вѣрноподанный Иванъ Дибичъ.

5 марта 1827 года.

Тифлисъ.

XX.

Дибичъ — императору Николаю.

Послѣ отправленія донесенія моего отъ 28-го февраля, погода продолжается здѣсь все сухая и надежда на скорое появленіе подножнаго корма достаточнаго, дѣлается, можетъ быть, еще до начала будущаго мѣсяца сомнительною; впрочемъ и теперь небо обложено облаками и погода теплая.

Изъ послѣдняго письма моего къ графу Толстому, ваше императорское величество изволили увидѣть, что я при отправленіи послѣдней экстра-почты сомнѣвался въ томъ, что генераль Ермоловъ отправилъ письмо къ вашему величеству и что въ семъ подозрѣвалъ явное нечистосердечіе. Онъ мнѣ послѣ сказалъ, что отправилъ письмо по той же почтѣ, вложивъ оное въ конвертъ на имя дежурнаго генерала.

При объясненіи по сему случаю, онъ повторилъ, что ни ему съ генераломъ Паскевичемъ, ни генералу Паскевичу съ нимъ служить нельзя. Объясненіе касалось вновь до причинъ неудовольствія между ими. Я просилъ его сказать мнѣ откровенно, въ чемъ считаетъ себя виновнымъ и правымъ, и еще разъ повторилъ ему пункты, по которымъ генераль Паскевичъ полагалъ личное недоброжелательство къ нему генерала Ермолова, не касаясь до военныхъ дѣйствій. Генераль Ермоловъ хотя принялъ сіе съ примѣтнымъ огорченіемъ, не менѣе того просилъ о продолженіи объясненій и далъ мнѣ слѣдующіе отвѣты:

1) Что удержаніе дежурнаго штабъ-офицера и адъютантовъ генерала Паскевича въ Тифлисъ, которое онъ полагаетъ личною и намѣреніемъ лишить его всякаго вѣрнаго помощника, было простое послѣдствіе затрудненія въ конвоѣ, которое въ то время, по употребленіи всѣхъ войскъ и по общему бунту татарскихъ дистанцій, было столь велико, что даже адъютантъ генераль-лейтенанта князя Мадатова, посланный съ извѣстіемъ о елисаветпольскомъ сраженіи, не могъ проѣхать прямою дорогою, а въ сопровожденіи одного только

мусульманскаго чиновника проѣхалъ чрезъ горы проселочными дорогами.

2) Что недостатокъ въ продовольствіи послѣ елисаветпольскаго дѣла былъ послѣдствіемъ разграбленія всего Карабага при нашествіи персіянъ; что все количество, доставленное мимо князя Мадатова армянскимъ переводчикомъ, простиралось только до 70-ти четвертей, и что впрочемъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе генералу Мадатову по представленію генерала Паскевича; но увѣренъ въ невозможности тогда устроить исправное продовольствіе.

3) Что не призвалъ онъ генерала Паскевича въ Ширванъ потому, что сей генералъ никогда не показывалъ ему подобнаго желанія, а напротивъ того, просился уже прежде за болѣзнію въ Тифлисъ, почему онъ рѣшился дать ему сіе позволеніе и временно распустить отрядъ, будучи увѣренъ съ своей стороны, что нельзя дѣйствовать большими силами за Араксъ, во-первыхъ, покорить прежде мусульманскія провинціи и горскіе народы; во-вторыхъ, по невозможности, по тѣмъ же причинамъ, имѣть тогда достаточнаго продовольствія для столь рѣшительнаго наступленія въ провинціи, уже разоренныя двукратнымъ проходомъ непріятельской арміи, чрезъ которыя, сверхъ того, пролегаютъ самыя затруднительныя и для артиллеріи почти непроходимыя дороги; и въ-третьихъ, что продовольствіе подножнымъ кормомъ въ зимнее время возможно только весьма въ малыхъ мѣстахъ, и то съ совершеннымъ изнуреніемъ лошадей.

4) Экспедицію на Муганскую степь не полагалъ онъ никогда важнымъ военнымъ дѣйствіемъ, въ каковомъ видѣ представлялъ объ оной и вашему императорскому величеству; и посему никакъ не полагалъ, чтобы таковое препорученіе, князю Мадатову сдѣланное, могло казаться для генерала Паскевича непріятнымъ.

5) На счетъ несообщенія всѣхъ бумагъ генералу Паскевичу повторилъ, что сначала приказано имъ было сообщать ему всѣ бумаги, до военной части касающіяся; но что онъ не считалъ себя въ обязанности доставлять ему такія бумаги, кои касались до распоряженій по ввѣренному ему краю, каковаго мнѣнія своего не перемѣнилъ и тогда, когда генералъ Паскевичъ требовалъ оныхъ для составленія своихъ донесеній вашему величеству, будучи увѣренъ, что пока ваше величество оставляете его главнымъ начальникомъ, то конечно требуете сихъ донесеній отъ него, и не изволите препоручать требовать таковыя отъ него официально подчиненному, хотя весьма разумѣть, что при нѣкоторой недовѣрчивости могутъ доставляться таковыя довѣренной особою секретно. Генералъ Ермоловъ при семъ послѣднемъ объясненіи былъ чрезвычайно тронутъ, и прибавилъ, что уже

доходили до свѣдѣнія его открыто отзывъ противъ него генерала Паскевича, хотя онъ долженъ былъ почитать въ немъ непосредственнаго своего начальника, пока его не переимѣнитъ высочайшая воля его императорскаго величества. Наболѣе же огорчилъ его отзывъ генерала Паскевича противъ генераль-лейтенанта Эрнстова и нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, что хотя по безпорядкамъ, найденнымъ имъ въ обмундированіи полковъ (въ коихъ генераль Ермоловъ увѣренъ, что подробное изслѣдованіе откроетъ только нѣкоторое упущеніе по части комиссаріата и послѣдствія чрезвычайнаго и совершенно неожиданнаго сбора войскъ при вторженіи непріятеля), слѣдовало бы предать ихъ суду, но что онъ представляетъ вашему величеству о прощеніи ихъ; каковымъ отзывомъ генераль Паскевичъ, по мнѣнію его, явно показалъ, что уже не считаетъ генерала Ермолова ихъ начальникомъ, ибо въ противномъ случаѣ таковое представленіе должно бы идти чрезъ него.

Я о семъ говорилъ съ генераломъ Паскевичемъ, который мнѣ сказалъ, что подобныя слова онъ сказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ гораздо позже, что впрочемъ, видя безпорядки, могъ легко сіе сказать въ огорченіи, въ чемъ и я согласенъ. На другой же день подалъ мнѣ генераль Паскевичъ записку, прилагаемую при семъ въ оригиналъ. Представляя таковую вашему императорскому величеству, я съ моей стороны остаюсь при мнѣніи моемъ, что всякій инспекторъ имѣетъ право сказать подчиненному, что онъ о безпорядкахъ представить вашему императорскому величеству, но что лучше бы было не говорить, что представить о прощеніи, хотя весьма понимаю, что подобныя слова были сказаны совершенно не въ томъ видѣ, чтобы тѣмъ увѣрить въ ничтожествѣ нѣнѣшняго начальства.

Послѣ послѣдняго моего донесенія ходъ дѣлъ продолжается здѣсь попрежнему. Генераль Ермоловъ показываетъ совершенную готовность исполнить въ точности волю вашего императорскаго величества. Позднее явленіе подножнаго корма внушаетъ ему нѣсколько опасенія, но онъ надѣется навѣрное, что сіе не можетъ переимѣнить предначертаннаго плана, въ которомъ онъ сіе также принялъ въ соображеніе.

По собраніи свѣдѣній о нѣсколькихъ довольно важныхъ злоупотребленіяхъ, въ коихъ винятъ здѣшнее начальство въ явномъ ослабленіи противъ подчиненныхъ, я, составивъ краткую записку о таковыхъ, сегодня отдалъ оную генералу Ермолову, послѣ обыкновенныхъ соглашеній по военной части, прося его при первомъ свиданіи объясниться объ оныхъ. При семъ говорилъ ему о слухѣ, дошедшемъ до меня, что будто генераль-майоръ Вельяминовъ, въ экспедиціи

въ Имеретин, выдержалъ казачьяго офицера, связаннаго, на солнцѣ такъ, что сей умеръ послѣ отъ горячки, и что дѣло сіе было утаено. Генераль Ермоловъ, принявъ сіе съ негодованіемъ, сказалъ, что ни малѣйшее, даже подобное, никогда не доходило до свѣдѣнія его, и просилъ меня подробнѣе узнать о времени и о постѣ, гдѣ говорятъ, что сіе случилось; я полагая подобное изслѣдованіе совершенно нужнымъ, приступлю къ оному и постараюсь открыть истину, еще во время пребыванія моего здѣсь.

Вслѣдъ за симъ я отдалъ генералу Ермолову мое официальное увѣдомленіе о высочайшемъ выговорѣ за безчеловѣчное наказаніе татарина, объявя ему словесно содержаніе онаго; онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я принимаю высочайшую волю съ покорностью и чувствую себя виновнымъ, но былъ увлеченъ злодѣйствомъ преступника“ (здѣсь говорятъ про него точно ужасы, что будто умерщвлялъ самымъ звѣрскимъ образомъ беременныхъ жепцинь, и тому подобное); я ему сказалъ, что никакія звѣрства не могутъ оправдать наказаніе равно неистовое; онъ съ симъ согласился, и прибавилъ, что сей случай одинъ, и что хотя его винять въ злодѣйствѣ и варварствѣ, но что можно взять справку по дѣламъ и сравнить число вообще смертныхъ казней во время управленія генерала Торماسова и его. Я постараюсь собрать подобныя свѣдѣнія.

По мѣрѣ какъ получу объясненія отъ генерала Ермолова на записку мою, буду имѣть счастье доносить объ оныхъ вашему императорскому величеству, и частью уже чрезъ фельдъегеря, котораго надѣюсь отправить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Войска занимаютъ здѣсь тщательно обмундированіемъ.

По возможности ускоряется перемолъ пшеницы въ муку и перепеченіе муки въ сухари, особливо по магазинамъ въ Лорахъ и Шулаверлахъ. Надѣюсь, что по сей важной части прибытіе интенданта Жуковскаго, который уже 26-го февраля проѣхалъ Черкасскъ, принесетъ ощутительную пользу.

Набѣги персіянь на нижнемъ Араксѣ малозначительны; о большихъ сборахъ ихъ еще нѣтъ никакого извѣстія.

Равномѣрно не подтверждаются до сего времени слухи о военныхъ приуготовленіяхъ турокъ противъ персіянь. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Апрѣля 5 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXI.

Паскевичъ — Дибичу.

Генераль Ермоловъ упрекаетъ меня, что я говорилъ полковникамъ, государю напишу. Это слово заставило все дѣлать. Ваше высокопревосходительство.

1. Одѣвающуюся, (?)
2. люди удовлетворены,
3. нѣсколько выучены,

все это приписать надобно этому магическому слову.

Слово: къ Ермолову напишу, не имѣло бы никакого смысла, и значенія, заставило бы ихъ смѣяться, ибо генераль Ермоловъ:

1. Опустилъ оную армію;
2. Недопуски были большіе;
3. Позволилъ ходить въ лохмотьяхъ;

то какимъ образомъ можно было мнѣ грозить тѣмъ человѣкомъ, который всѣмъ безпорядкамъ причиною.

Надобно было выше власти генерала Ермолова, которая бы заставила все это сдѣлать.

Я думалъ, что я имѣлъ эту власть, не написать, но сказать на словахъ; слова, которыя сдѣлали важнѣйшую услугу, ибо армія готова будетъ къ походу. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Марта 4 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).